

выбора компонентов, ярко проявляющиеся денотативные и коннотативные аспекты семантики ставят перед ономастикой задачи описания и классификации ономастико-семантических парадигм и моделей.

Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград, 1993.

Алефиренко Н. Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII Междунар. конф. Волгоград, 1998. С. 165–168.

Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. Киев, 1972.

Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980.

Матвеев А. К. Ономастика и ономотология: Терминологический этюд // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.

Мирославская А. Н. Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 11 годов» // Уч. зап. Калининград. гос. пед. ин-та. Вып. 6. Калининград, 1959. С. 336–362.

Салиас де Турнемир Е. А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. Петербургское действо. М., 1993.

Степанова Л. И., Супрун В. И. Имена собственные в толково-переводном словаре языка писателя // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии: Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. М., 1988. С. 175–177.

Суперанская А. В. Терминология ономастики // Acta onomastica (Praha). 2008. Roč. IL. S. 314–322.

Brendler S. Probleme und Moeglichkeiten der Entwicklung der onomastischen Terminologie // Acta onomastica (Praha). 2008. Roč. IL. S. 50–59.

О. А. Теуш
Екатеринбург

Этимологизация заимствованных финно-угорских словосложений в русском языке

Словосложение является одним из наиболее продуктивных способов образования новых слов в финно-угорских языках. Этот процесс настолько активен и частотен в живой речи, что современные словари финно-угорских языков включают далеко не все сложные слова, а только те, которые наиболее употребительны или те, в которых семантика слова далеко отходит от семантики составляющих его компонентов. При этом в финно-угорском языкознании до сих пор широко обсуждаемой является проблема различения сложного слова и словосочетания.

Исследователи субстратной топонимии финно-угорского происхождения при этимологии ориентируются на этимоны, представляющие собой сложные слова. Удивляет, что при этимологизации лексики, заимствованной из финно-угорских языков, количество выявленных заимствованных сложных слов невелико, если не минимально. Из нескольких сотен известных финно-угорских заимствований сложными словами в языках-источниках являлись только некоторые лексемы.

Среди проинтерпретированных заимствований из финно-угорских языков наибольшее количество сложных слов отмечено в ихтиологической терминологии (например: *máymakala*, *маймакава* ‘рыба сом’ < карел. *maimakala* ‘то же’, где *maima* ‘маленькая рыбка, используемая в качестве наживки’, *kala* ‘рыба’), орнитологической лексики (*nascarpága* ‘лесная сорока’, *нискарпóга* ‘сойка’, которое сравнивается с фин. *paskaräökkä* ‘*Garullus glandarius*’ (состоит из *paska* ‘навоз’ и *rääkkä* ‘*Garullus glandarius*’), *paskaharakka* ‘*Garullus glandarius*’ (из *paska* ‘навоз’ и *harakka* ‘сорока’), вепс. *paskharag* ‘сойка’ (композит из *pask* ‘жидкий кал’, *harag* ‘сорока’)), в названиях растений (*кукиш-карáнды*, *кúкиш-карандыш*, *куккыш-карангыш* ‘плоды шиповника’, ср. вепс. *kukiiin-karandiš*, *kukein-karang*, ливв. *kukoin-karangaine* ‘шиповник’, в которых первая часть – вепс., ливв. *kukoi* ‘петух’, а вторая часть не сохранилась в вепсском языке как значимая лексема, но рефлексy ее фиксируются в других прибалтийско-финских языках: фин. *karanka* ‘жердь, шест’, ‘засохший толстый сук ели’, ‘прут в изгороди’, кар. *karango* ‘свесившаяся в реку ветвь дерева’, ливв. *karango* ‘сухое дерево’).

Некоторое количество сложных слов отмечено в заимствованной лексике, обозначающей приспособления, инструменты, предметы хозяйствования *váштaмap*, *váштoмap* ‘поперечное бревно, скрепляющее две лодки’ < саам., ср. прасаам. **vōstlē*, саам. юж. *viōstie*, лул. *vuostē*, сев. *vuos’te*, колт. *vie šit*, кильд. *vū šit*- ‘направленный против чего-л., против’; прасаам. **mōrē*, саам. юж. *muore*, лул. *muorra*, сев. *muorrâ*, ин. *tuora*, колт. *muōrr*, кильд. *mūrr* ‘дерево’. Ряд сложных лексем, обозначающих части упряжи оленя, заимствованы из ненецкого. Вторым компонентом всех этимонов-композитов является ненецкая лексема *иня* ‘ремень, веревка’: *ёйнина* ‘нарядная суконная попона для оленя’; *пелёйна*, *пелёина* ‘ремень, соединяющий упряжи оленей’; *пуйна*, *пуина* ‘ремень, с помощью которого олень грузовой упряжки, привязывается к задку идущих впереди нарт’. Заимствованы два саамских слова со вторым компонентом **pēlē* ‘половина; сторона’: *алáпера* ‘сетчатая белая пленка поверх кожи белухи’, ‘пленка, налет на рыбе, шкуре животных’, ‘бессмысленная, ненужная затея’; *чúрумбала* ‘половина задней части оленя’.

Встречаются заимствованные композиты и в географической терминологии: *кизевель* ‘мелкий кустарник’ < коми *кыдз* ‘береза’ и л., нв., скр., уд. *вевъя*, вв., вс., лл., печ., сс. *велья*, лет. *вел* ‘с преобладанием какого-л. признака или предмета’, *кúйпога* (*кúйнага*, *кúйтуга*, *кúйнак*, *кúйнака*, *кúйкапа*, *кúйпока*) с основными значениями ‘берег моря, обнаженный отливом’, ‘уровень воды между отливом и приливом’, ‘убыль воды во время морского отлива; время отлива’, которое следует связывать с фин. *kuiva pohja* ‘сухое дно’, карел. *kuivapohja* ‘с сухим дном, с сухой почвой’.

Анализ проэтимологизированной лексики, восходящей к сложным словам в языках-источниках, позволяет выявить следующие, важные для этимологизации такого рода материала, особенности.

1. Многие из заимствованных сложных слов имеют невысокую степень сохранности в русских диалектах (зафиксированы в XIX в. и не отмечены в современных говорах). Причиной этого, возможно, является многослоговость исходного сложного слова, которая, в целом, нехарактерна для русского языка, по крайней мере слова, имеющие в своем составе более четырех слогов, не заимствуются.

2. Нередко при заимствовании сложное слово сокращается до своего первого компонента, реже до второго, ср., например, *күкошкарáндыш*, *күкакарáндыш*, *кукарáндыш* и *күка*, *күкоши*, *карáндыш* в том же значении, или *паскарáга* и *паскач*. Отмечены случаи, когда бывшие сложные слова языков-источников в русском языке представлены только с утерей второго корневого компонента: *рómжа* ‘кипрей’, ‘таволга’ (ср. кар. *rožmuhein*, *rožmoheinä* ‘лабазник, таволга’); *ялгушка* (ср. кар. *jalginlawda* ‘коник, широкая доска, прилегающая к печке, для удобства спуска и подъема на нее’, причем источником послужила первая часть карельского компонента – *jalga* ‘нога’, с присоединением уже на русской почве суффикса *-ушк(а)*); *гáрва* ‘рыболовная сеть с крупной ячеей’ (ср. фин., карел. *harva*, ливв. *harvu*, люд., вепс., эст. *harv* ‘редкий’, фин. *harva verkko*, эст. *harv-võrk* ‘сеть с крупной ячеей’, ливв. *harvu verko* ‘редкая сеть, сеть с крупной ячеей’). Это создает серьезную этимологическую проблему: поскольку в сложном слове финно-угорских языков смысловое ядро содержится во втором корневом компоненте, а первый является атрибутом, выражающим дифференциальный признак, при утрате в процессе заимствования второго компонента этимолог вынужден искать этимологию на основе вторичного семантического признака, который часто не входит в смысловое ядро лексемы на русской почве. Семантическая сторона этимологии в таких случаях оказывается очень шаткой и трудно доказуемой. Возможно, усечение сложных слов при заимствовании является причиной того, что многие лексемы севернорусских говоров, опознаваемые в качестве финно-угорских заимствований, до сих пор не нашли убедительной интерпретации.

3. Заимствования, имеющие в качестве этимонов сложные слова, в большей степени подвержены процессам фонетического преобразования: происходит упрощение стыка двух корней, стяжение формы, неудобной из-за ее многослоговости, усиливается фонетическое варьирование и т. п. (*чимбица*, *марезж*, *выргут* и др.). Это также усложняет возможность поиска этимона.

4. Нередко сложные слова не заимствуются, а калькируются. Результатом могут быть кальки и полукальки. Примером полукальки является *пеного́ловик* ‘несъедобная речная рыба’ (< приб.-фин., ср. фин. *pieni* ‘маленький’, карел. ливв. *pieni* ‘маленький, небольшой, малый’, люд. *pieñ* ‘маленький’, вепс. *pei* ‘маленький’; источником полукальки должно быть слово типа карел. ливв. *pienipiähiine* ‘с маленькой головой; с маленькой шляпкой (например, о гвозде)’). Кальками являются, например, *петушкí*, *петушня́к*, *пету́шник*, *петуши́нник*, *петуши́на*, *пету́нник*, *петуння́к*, *пету́шьи* ягоды, *пету́ньи* ягоды и *пету́нье* дерево (зафиксированы наряду с *күкошкарáндыш*, *күкакарáндыш*, *кукарáндыш*).